

зировать материалы других изданий, например, журнала «Что нового в науке и технике?», газеты «Известия – наука», агентства «ИнформНаука», статьи членов Ассоциации научных журналистов России. Мы видим в этом свою перспективную задачу. Но все же можно говорить об определенной тенденции существования «неравенства» в содержании косвенной имиджформирующей информации относительно всех аспектов имиджа науки. Поэтому СМИ в своих сообщениях следовало бы уделять примерно равное внимание как описанию открытий, достижений, технологий, так и событиям в научном сообществе и субъектам научной деятельности – ученым.

Н. Л. ГИНДИЛИС

ПСИХОАНАЛИЗ: СИНТЕЗ ЗНАНИЯ

(к 150-летию со дня рождения Зигмунда Фрейда)

К моменту возникновения психоанализа (в конце XIX столетия) всякое новое знание, претендующее на статус научного, должно было отвечать критериям научности, выработанным представителями философии позитивизма и неопозитивизма. Детище З. Фрейда поначалу было воспринято в штыки научной общественностью, а впоследствии вызвало и продолжает вызывать вплоть до наших дней бурные споры относительно его научного статуса. Сам основоположник психоанализа – представитель классической школы немецкой медицины и приверженец идеалов научной рациональности – убежденно отстаивал строго научный характер своих построений.

Одним из «китов» позитивистского идеала научного знания является *объясняющий принцип*, или *принцип причинности*, согласно которому тот или иной результат порождается определенной причиной, и обратно: каждой причине соответствует определенное следствие. Именно на такой причинной связи событий и настаивал Фрейд, создавая свою клиническую теорию личности.

Краеугольным камнем концепции Фрейда стало учение о *вытеснении*, т. е. неприемлемые для субъекта импульсы, желания, мысли вытесняются из его сознания и образуют особую сферу – сферу бессознательного. Между сознанием и бессознательным, по Фрейду, существует *конфликт*: вытесненные желания пытаются проникнуть в сознание, которое оказывает им в этом *сопротивление*. И тогда последние ищут обходные пути, прорываясь в снах (часто в виде символов вследствие действия специальной цензуры), в различных ошибочных действиях, таких как оговорки, описки и прочее; а в наиболее трудных случаях эти вытесненные неудовлетворенные желания манифестируют себя в невротических *симптомах*. Фрейд считал, что образование симптома это – «замещение (Ersatz) чего-то другого, что не могло проявиться»¹. Смысл симптома – в его связи с травматическим переживанием больного. Поэтому «возникает прямая задача найти для бессмысленной идеи и бесцельного действия такую ситуацию в прошлом, в которой эта идея была оправдана, а действие целесообразно»².

Таким образом, симптом указывает на некие бессознательные процессы в психике больного, они и составляют смысл этого симптома. Причем для образования симптома смысл этот должен быть бессознательным: как только эти бессознательные процессы сделаются сознательными – симптом исчезнет. Это обстоятельство послужило для Фрейда путеводной нитью в терапии

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 1989. С. 178.

² Там же. С. 172.

Зигмунд Фрейд (1856–1939)

больного: необходимо вывести бессознательное в сознание. А это требует применения особой психотерапевтической техники.

Эту технику Фрейд разработал не сразу. Поначалу он пользовался гипнотерапией³, а затем, вслед за Й. Брейером, применял (с 1889 г.) катартический метод, вызывая под глубоким гипнозом *отреагирование* больным пережитой им ранее психической травмы. И хотя последний метод давал хорошие результаты, он не удовлетворял Фрейда, так как, во-первых, не все больные поддавались глубокому трансу, а, во-вторых, вследствие гипноза пациент оставался бездеятельным, попадая в полную зависимость от терапевта. Поэтому примерно в 1892 г. Фрейд отказался от применения гипноза и перешел к методу свободных ассоциаций. Этот метод наряду с толкованием

сновидений стал основным инструментом в психоаналитической технике.

Не сразу был отшлифован метод работы, не сразу выкристаллизовалась теоретическая концепция, которая к тому же изменялась на протяжении жизни Фрейда, но с самого начала было представление о *причинной* зависимости психических расстройств. Причина эта виделась в психической травме, т. е. Фрейд развивал представление не об анатомо-физиологической, а о *психической* причинности. Отмечу сразу, что это – ход далеко не самоочевидный, так как в те времена истерии еще отказывали в какой-либо объективной причине, считая ее простой симуляцией. Для Фрейда же психика человека, как и мир материальных объектов, должна была подчиняться принципу причинности. Действие этого принципа он распространял не только на психику невротика: наличие механизмов вытеснения и сопротивления Фрейд признавал для психики любого человека. Тогда становятся причинно объяснимыми такие, казалось бы, случайные явления из обыденной жизни, как опiski, оговорки, ошибочные действия: «В области психического нет ничего произвольного, недетерминированного», – писал Фрейд в одной из своих ранних работ⁴. И там же: «...Если я и верю во внешний (реальный) случай, то не верю во внутреннюю (психическую) случайность»⁵.

³ Об этом методе Фрейд писал впоследствии: «Со временем для врача это становилось монотонным занятием: каждый раз при помощи одних и тех же приемов запрещать проявляться одним и тем же симптомам, не имея возможности понять их смысл и значение. Это была не научная деятельность, а работа подмастерья» (Там же. С. 287).

⁴ Фрейд З. Психология обыденной жизни. М., 1925. С. 212.

⁵ Там же. С. 226.

Следование позитивистскому идеалу научности проявлялось и в том, что Фрейд всячески подчеркивал эмпирическую основу своих теоретических построений. Так, он писал в своей работе «Я и Оно»: «Психоаналитическое исследование не могло выступать, подобно философской истине, с законченной постройкой своих положений, но должно было шаг за шагом добираться до понимания сложной душевной жизни путем аналитического расчленения как нормальных, так и ненормальных явлений»⁶. Итак, видя в себе проводника научных идей и научного метода на сферу психической жизни человека, основоположник психоанализа фиксировал внимание своих сторонников и противников на том, что психоаналитическая теория базируется на опытной основе. В качестве таковой служил преимущественно клинический материал – наблюдения и работа с больными⁷. Казалось бы, все хорошо, и психоанализ может праздновать победу научного мировоззрения в психологии. Однако притязания психоанализа на научность оказались уязвимыми с различных сторон.

Так, позитивистский «идеал» научного знания требует не только эмпирического базиса для создания теории, но и необходимости опытного подтверждения этой теории – так называемого *критерия верификации*. Здесь-то и возникают подводные рифы для психоанализа. Посмотрим, как обстоит дело с краеугольным камнем психоанализа – клинической теорией личности, основой которой является учение о вытеснении. В соответствии с критерием верификации, если теория вытеснения верна, то после проведения психоаналитической терапии, в результате которой вытесненный материал возвращается в сознание, должно наступить исцеление пациента. В начале своей исследовательской деятельности Фрейд был полон оптимизма и говорил о небывалых успехах психоанализа. Но к концу жизни в работе «Анализ конечный и бесконечный» (1937 г.) Фрейд вынужден был признать, что психоаналитик далеко не всегда достигает успеха в исцелении больных и что даже в случаях успеха нет полной гарантии, что они вновь не впадут в болезнь. Эти факты заставляют усомниться в том, что психоаналитическая терапия является каузальной терапией, т.е. терапией, направленной на устранение причин: если остается болезнь, значит, остаются и ее причины. А, следовательно, верна ли теория?

Встает вопрос и о том, что в случае удачного лечения этот успех мог быть достигнут не за счет *осознания* пациентом вытесненного бессознательного, а вследствие совсем других факторов, не играющих в теории Фрейда первостепенного значения, таких, например, как межличностные отношения врача и пациента; эмпатия, возникающая между ними и т. п.

Итак, методологический критерий, на котором Фрейд в начале своей карьеры основывал притязания на научность клинической теории личности и который сводился к проверке этой теории прямыми результатами психоаналитической практики, получил опровержение данными этой самой практики.

⁶ Фрейд З. Я и Оно // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980. С. 200.

⁷ Правда, Фрейд отмечал, что его метод терапии является эффективным только в отношении группы больных с «неврозом перенесения», т. е. таких пациентов, которые способны выработать «перенос» (*Übertragung*) по отношению к своему терапевту. В отношении других больных, например психотиков, психоанализ, по мнению Фрейда, является неэффективным.

Однако, как отмечалось выше, поначалу все выглядело иначе. Казалось, с одной стороны, что результаты клинической практики подтверждают выдвинутые гипотезы, а с другой – что эти гипотезы обладают универсальной *объяснительной силой* (термин К. Поппера), предлагая интерпретации любым фактам. Именно данные психоанализа, наряду с теорией марксизма, и послужили, как известно, основанием для К. Поппера усомниться в справедливости критерия верификации. Эти теории находили подтверждающие примеры всюду, но, по мнению Поппера, хотя они и «выражены в научной форме, на самом деле имеют больше общего с примитивными мифами, чем с наукой»⁸. Это обстоятельство и явилось толчком для переосмысления Поппером критерия демаркации между наукой и ненаукой. В качестве такового им был выдвинут критерий *фальсификации* или *опровержения*: если позитивисты требовали подтверждающих примеров, то Поппер потребовал опровергающих фактов, которые всегда находятся для научных теорий, что ведет к их пересмотру и тем самым к развитию научного знания. По этому критерию, как считал Поппер, психоанализ выпадал из группы научных дисциплин.

Опровержение утверждения Поппера можно найти уже у самого Фрейда. Так, в письмах своему другу Флиссу он писал, что «объектом» проверки его теории сновидений был в течение нескольких месяцев некий доктор Г. Гомнец. Несмотря на все свои старания, Фрейд не сумел осуществить анализ содержания снов этого Гомнеца с позиций понимания сновидения как реализации неосуществленного желания сексуального характера⁹. Таким образом, в данном случае клинический материал опровергал теоретические посылки Фрейда, что с точки зрения Поппера отвечает критерию фальсификации и тем самым обеспечивает «научность» построений Фрейда.

С другой стороны, как было показано А. Грюнбаумом, некоторые психоаналитические утверждения могут проверяться не посредством клинического материала, который, по мнению Поппера, интерпретируется лишь в свете подтверждающих примеров, но на основе экспериментальных эпидемиологических критериев и данных. Так, согласно Фрейду, причиной возникновения параноидального бреда является вытесненное гомосексуальное влечение. Следуя логике Фрейда, это вытеснение обусловлено главным образом строгими социальными запретами на гомосексуальность. Тогда можно предположить, что ослабление социальных норм в этом отношении должно привести к уменьшению числа заболеваний паранойей. А это в свою очередь открывает возможности для проведения своего рода социального эксперимента, который либо подтвердит, либо опровергнет исходный постулат Фрейда¹⁰. Следовательно, обвинение психоанализа в ненаучности с точки зрения критерия фальсификации весьма уязвимо.

Необоснованными, как мне кажется, являются и обвинения психоанализа в том, что его интерпретации образуют своего рода «порочный круг»¹¹.

⁸ Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания // Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 242.

⁹ The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud. L., 1964. Vol. 22. P. 391.

¹⁰ Grunbaum, A. The foundation of psychoanalysis: a philosophical critique. Berkeley, 1983. Ch. 1.

¹¹ См., например: Лейбин В. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990. С. 87. В этой работе автор говорит о «психоаналитическом круге».

Объектом критики в данном случае служит то обстоятельство, что клинические данные психоанализа интерпретируются с точки зрения уже существующих гипотез, а обоснование последних происходит на основе психоаналитически понятых клинических данных. Но подобное положение дел не служит отличительной чертой психоанализа. Методологи науки антипозитивистского толка показали, что не существует «чистых» фактов. В любой строго научной дисциплине всякий факт в той или иной степени концептуально окрашен и существует тот же самый «порочный круг» – гипотеза неосознанно предшествует фактам, а факты интерпретируются на основе гипотезы. Данное обстоятельство лишь в редких случаях осознается самими естествоиспытателями, которые, как правило, считают, что обобщают беспристрастные факты. Так было и с Фрейдом. Он настаивал: «Я бы самым решительным образом протестовал против того, чтобы считать учение о вытеснении и сопровитвлении предпосылками психоанализа, а не выводами. Такие предпосылки общепсихологической и биологической природы действительно существуют, и было бы целесообразно поговорить о них в другом месте, но учение о вытеснении, результат психоаналитических исследований, законченным образом добыт из бесчисленных наблюдений»¹².

* * *

Итак, если сам Фрейд ориентировался на «идеал» точного знания и отстаивал строго научный характер своих построений, то объективно были и иные возможности понимания и интерпретации его достижений. Так, Ю. Хабермас – представитель герменевтического направления современной философии – увидел в психоанализе возможности герменевтического подхода и обвинил Фрейда в «сциентистском самонепонимании»¹³. Сожалея о подобном «самонепонимании», Хабермас приводит и соответствующие аргументы, свидетельствующие, с его точки зрения, против естественно-научного статуса теории Фрейда. Основной аргумент Хабермаса состоит в том, что вместо причинных связей, принимающих вид закона, как то характерно для естественных наук, психоанализ устанавливает особую причинную связь в виде «причинности судьбы» (термин Гегеля). То есть, по мнению Хабермаса, при излечении пациента устраняется и причина его болезни: когда невротик избавляется от вытесненных неудовлетворенных желаний путем их познания и вследствие этого преодолевает свое невротическое поведение, одновременно с этим устраняется и сама *причинная связь* между причиной (патогенным фактором) и следствием (невротическим поведением). Это Хабермас и называет «причинностью судьбы», справедливо полагая, что подобного рода устранение причинной связи отсутствует в законах природы.

Интерпретация психоанализа Хабермаса была подвергнута критике со стороны Грюнбаума. Логика рассуждений последнего такова: «Если вытеснение типа *R* – необходимая причина невроза типа *N*, то понятно, что устранение вытеснения *R* должно приводить и к устранению невроза *N*. И пациент, который избавляясь от вытеснения *R*, тем самым избавляется от невроза *N*, наглядно подтверждает на собственном примере, что *R* – необходимая

¹² Фрейд З. Очерк истории психоанализа. Одесса, 1919. С. 10.

¹³ Habermas, J. Knowledge and human interests. Boston, 1971.

причина *N*. Вместе с тем не менее очевидно и то, что такого рода подтверждение причинной связи никак не может быть ее уничтожением. Мысль Хабермаса, что психотерапевтический успех способен преодолеть и даже уничтожить причинную связку, просто некорректна»¹⁴. Таким образом, в клинической теории Фрейда не происходит никакого уничтожения связи между причиной и следствием, «даже если следствие больше не наблюдается, а причина перестает действовать»¹⁵.

Грюнбаум подверг критике и другие аргументы Хабермаса, однако, как мне видится, уже не столь обоснованно. Противопоставляя психоанализ естественным наукам, Хабермас говорит о том, что первый в каждом конкретном случае работы с пациентом превращает свои общие положения — или «*общие истолкования*» (термин Хабермаса) в «*конкретные истолкования*», которые служат чем-то вроде «герменевтических приложений» общих истолкований к жизни конкретного индивида. Логика же герменевтического истолкования противоположна, по мысли Хабермаса, применению общих законов к частным случаям в естественно-научных дисциплинах. В последних, по Хабермасу, «объяснения основываются на законах, независимых от контекста их применения; в герменевтических же дисциплинах, напротив, теоретические высказывания, включаясь в рассказ об индивидуальной истории, претерпевают такие превращения, что становится ясно: вне контекста никакое общее причинное утверждение не может быть сформулировано»¹⁶.

Возражая Хабермасу, Грюнбаум упрекает его в устаревших представлениях о состоянии дел в естественных науках и приводит пример законов электромагнетизма, где, как он утверждает, «зависимость от контекста выражена гораздо сильнее, нежели в самых подробных описаниях психоаналитического опыта или в любом другом способе воссоздания человеческой истории»¹⁷. Так, к примеру, в электромагнитном поле, порождаемом неким зарядом, характеристики этого поля зависят не только от состояния заряда в данный конкретный момент времени, но и определяются всеми предшествующими состояниями этого заряда.

И все же Хабермас не столь уж неправ: ведь контекстуальная зависимость в естественных науках куда «слабее», чем в том же психоанализе, где эта зависимость обусловлена, помимо всего прочего, отношениями терапевта и пациента. Интерпретация «общих истолкований» в «конкретные истолкования» будет определяться в том числе и этими отношениями. Так что, конечно, применение общих законов к частным случаям в психоанализе имеет свои особенности, неизвестные естественно-научным дисциплинам.

* * *

Жаркие споры вокруг вопроса о «научности» психоанализа, поднявшиеся с момента его возникновения и продолжающиеся с неменьшим жаром и по сей день, свидетельствуют о том, что мы имеем дело с необычным феноменом,

¹⁴ Грюнбаум А. Теория Фрейда и философия науки // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 90–106.

¹⁵ Там же. С. 93.

¹⁶ Habermas. Knowledge and human interests... P. 272–273.

¹⁷ Грюнбаум. Теория Фрейда и философия науки... С. 94.

который, несмотря на все старания Фрейда, нельзя так просто отнести к ряду научных.

Возьмем такое фундаментальное для всякого методолога понятие, как «факт». Факт – это основа всякой опытной науки. Но психоаналитический факт обладает своей спецификой. Как отмечает Н. Автономова, «в психоанализе мы, по сути, вообще не имеем ни «атомарных» позитивистских, ни «нарративных» герменевтических фактов»¹⁸. Так, факт вытеснения – отправная точка всех практических и теоретических представлений психоанализа – не имеет простой, «атомарной» природы, но представляет собой сгусток разных пластов прошлого пациента. Фрейд подчеркивал: «Выяснилось, что психоанализ не может объяснить ничего в настоящем состоянии больного, не сведя его к прошлому, – более того, что всякое патогенное переживание предполагает другое, более раннее переживание, которое, не будучи само патогенным, придает это свойство позднему»¹⁹. Таким образом, патогенное переживание из сравнительно недавнего прошлого пациента уходит корнями в его детские переживания, и следовательно, по образному сравнению Автономовой, «факт в психоанализе – не точка, а след»²⁰.

Выявление психоаналитического факта требует не просто наблюдения и регистрации, как в обычных опытных науках, а сложной процедуры реконструкции, включающей в себя истолкование разного рода событий. Процесс реконструкции и истолкования – совместное творчество психоаналитика и его пациента. Если поиски «вторичного» факта – травмирующего события из недавнего прошлого – могут основываться на реальных воспоминаниях из жизни последнего (хотя и здесь нельзя исключить роль фантазии, а также внушения со стороны аналитика), то «первичный» факт – ранняя детская травма, – как правило, задан некими изначальными схемами психоаналитика, такими, например, как «эдипов комплекс», «сексуальное совращение ребенка» и т. п. Поэтому факт в психоанализе не просто концептуально нагружен, а представляет собой по существу целую теоретическую конструкцию. Работа психоаналитика – как бы зеркальное отображение работы естествоиспытателя – все усилия направлены по сути дела на воссоздание факта. По убеждению Фрейда, осознание исходного травмирующего события – необходимое и достаточное условие исцеления пациента.

Проверить подлинность факта не представляется возможным. «Свидетелем истины» является сам пациент, который к тому же находится как в интеллектуальной, так и в эмоциональной зависимости от своего аналитика. Первая определяется тем, что клиент изначально воспринимает теоретические концепции своего психотерапевта в качестве исходно правильных, и эта вера в большой степени гарант успеха его психотерапии. Об эмоциональной зависимости речь пойдет позднее. Итак, никак нельзя говорить о нейтральности процедуры проверки факта: она, по существу, включена в процесс его реконструкции. Эта ситуация не аналогична ситуации лабораторного эксперимента. Пусть даже с развитием естествознания непосредственный опыт стал более трудно уловим и требует процедур реконструкции, однако взаимовлияния

¹⁸ Автономова Н. К спорам о научности психоанализа // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 68.

¹⁹ Фрейд. Очерк истории психоанализа... С. 50.

²⁰ Автономова. К спорам о научности психоанализа... С. 64.

«субъект-объектных» отношений слабее, нежели таковые в диаде «субъект – субъект».

Понятие факта теснейшим образом связано с понятием действительности, которое в психоанализе также коренным образом отлично от такового в естественных науках. Так, фантазии пациента относительно событий его жизни и их переживаний оказываются в этиологии и последующем излечении неврозов не менее важны, чем реальные факты его биографии. Фрейд писал: «...Остается факт, что больной создал себе такие фантазии, и этот факт имеет для его невроза вряд ли меньшее значение, чем если бы он действительно пережил содержание этих фантазий. Эти фантазии обладают *психической* реальностью в противоположность *материальной*, и мы постепенно научаемся понимать, что в *мире неврозов решающей является психическая реальность*»²¹. Таким образом, психоанализ имеет дело не с обычной материальной действительностью, а с особой, психической, где истина и ложь перемешаны и уравнены по своей значимости. Для судьбы пациента безразлично, имеют ли факты, с которыми он работает совместно со своим врачом, какую-либо реальную почву, или же они полностью являются вымыслом. Важно само отношение пациента к этим фактам, его вера в них; с этим его отношением и работает психоаналитик.

Итак, обосновывая естественно-научный характер своих построений, Фрейд ссылаясь на фактуальную основу теории психоанализа. Однако в его интерпретации само понятие факта и действительности коренным образом отличается от такового в классической науке. Пытаясь следовать позитивистскому «образцу» научности, соответствующему знанию классической науки, Фрейд, по существу, шагнул в новое измерение неклассической науки XX в.

* * *

Как отмечает Н. Автономова, основная канва спора о природе психоанализа определялась долгое время противопоставлением двух философских позиций – позитивистской и феноменолого-герменевтической, – выражающих оппозицию «объясняющей» и «понимающей» стратегий²². Но существует еще одна линия, ярко представленная работами французского структуралиста К. Леви-Стросса, линия сопоставления психоанализа с магическим знанием народов «примитивных культур».

В чем состоит сущность воздействия колдуна, шамана, знахаря на больного? Что обеспечивает успех его лечения? Согласно Леви-Строссу, как и в случае с психоанализом, это – чисто психологический способ воздействия: «...Действенность магии требует веры в нее, предстающей в трех видах, дополнительных по отношению друг к другу. Прежде всего, существует вера колдуна в действенность своих приемов, затем вера больного, которого колдун лечит, или жертвы, им преследуемой, в могущество колдуна и, наконец, доверие общества»²³. Подобным же образом психотерапевтический эффект с необходимостью предполагает веру и самого психоаналитика, и его пациента в действенность исходных объясняющих принципов лечащего. Если колдун

²¹ Фрейд. Введение в психоанализ... С. 235.

²² Автономова. К спорам о научности психоанализа... С. 60.

²³ Леви-Стросс К. Колдун и его магия // Структурная антропология. М., 1985. С. 148.

основывает свое лечение на «теории» извлечения души болезни, или же «теории» изъятия болезнетворного тела ²⁴, то для психоаналитика в качестве таковой выступает теория вытеснения. Эта теория является рабочим инструментом в психоаналитической терапии, и она становится действенной лишь постольку, поскольку больной разделяет точку зрения аналитика на причины своего недуга. А тогда где гарантия, что устранение вытеснения, а не вера пациента в могущество своего аналитика, служит причиной успеха терапии?

В системах магии и в системах психотерапии, с одной стороны, существует убеждение, что болезнь имеет свою причину, с другой – присутствуют объясняющие принципы этой болезни, которые первоначально являются продуктами изобретения конкретной личности, а затем уходят корнями в ту или иную традицию (магическую или психотерапевтическую). Это роднит данные системы с научным подходом к исследуемому объекту; к тому же имеется и элемент проверки опытом – наличие или отсутствие излечения пациента. Конечный результат во многом определяется иррациональной верой больного в объясняющие схемы лечащего. В психоанализе осознание вытесненного материала должно подкрепляться верой в *необходимость* этого осознания, чтобы привести к успеху. Фрейд так описывал процесс выздоровления: «Когда больной должен преодолеть нормальный конфликт с сопротивлениями, которые мы ему открыли при анализе, он нуждается в мощном стимуле, ведущем к выздоровлению [...] Решающее значение в этой борьбе имеет тогда не его интеллектуальное понимание [...] а единственно его отношение к врачу. Поскольку его перенесение носит положительный характер, оно наделяет врача авторитетом, воплощается в вере его сообщениям и мнениям» ²⁵.

В магических системах объясняющие принципы превращаются порой в целые мифологические построения со своими героями и символикой, блестящий пример этому можно найти в работе Леви-Стросса «Эффективность символов» ²⁶. В ней анализируется религиозно-магический текст, относящийся к южно-американским культурам, изданный в 1947 г. Назначение текста – помощь роженице в трудных родах. Причина трудных родов, в соответствии с концепцией шамана, видится в том, что *Мцу* – сила, ведущая формированием плода, – превысила свои полномочия и завладела *нурбой*, т. е. душой будущей матери. Песнь шамана, призванного помочь роженице, посвящена поискам потерявшейся души. Эти поиски ведутся шаманом совместно с его помощниками и сопровождаются множеством трудностей, но будут закончены победой над *Мцу* и возвращением души роженицы, что приведет к снятию ее страданий и успешному разрешению от бремени. Леви-Стросс характеризует данную песнь шамана как «психологическую манипуляцию с больным органом», что, в свою очередь, и приводит к излечению ²⁷.

«Дорога Мцу» – путешествие к Мцу – представляет собой чисто мифическое описание разного рода чудовищ-духов и борьбы с ними, и одновременно это – влагище и матка беременной женщины, где и совершаются все описываемые события. Благодаря технике внушения они приобретают для роженицы жизненность реальных фактов, а страдания ее персонифицируются в

²⁴ Леви-Стросс. Колдун и его магия...

²⁵ Фрейд. Введение в психоанализ... С. 285.

²⁶ Леви-Стросс К. Эффективность символов // Структурная антропология. М., 1985.

²⁷ Леви-Стросс. Эффективность символов... С. 170.

различных мифических чудовищ. Феномен лечения, по мнению Леви-Стросса, состоит в том, «чтобы больная осознала ситуацию, описанную вначале в чисто аффективных терминах, и чтобы дух смирился со страданиями, которых тело больше не может вынести. То, что мифология шамана не соответствует реальной действительности, не имеет значения: больная верит в нее и является членом общества, которое в нее верит [...] То, с чем она не может смириться, это страдания, которые выпадают из системы, кажутся произвольными, чем-то чужеродным. Шаман же с помощью мифа воссоздает стройную систему, найдя этим страданиям в ней соответствующее место. Но, поняв свои муки, больная не только смиряется с ними, она выздоравливает»²⁸.

Таким образом, и в данном случае выздоровление наступает благодаря целостному переживанию, оно придает пациентке новые силы и новый жизненный импульс. Леви-Стросс подчеркивает значение и того факта, что шаман, по сути дела, предоставляет в распоряжение роженицы особый язык, на нем могут быть обозначены глубинные состояния, вызывающие страдания, и которые без этого языка не могут быть выражены. Словесное же выражение, обозначение физиологических состояний, приносящих страдание, ведет к изживанию самих страданий.

Вся эта ситуация, с моей точки зрения, весьма напоминает психотерапевтические манипуляции врача с его пациентом. Психотерапевту также необходимо «встроить» страдания пациента в определенную систему, приняв ее, последний увидит и адекватное место для своих страданий в этой системе. Мифотворчество шамана соответствует толкованиям психоаналитика. Причиной всех зол, злым духом (Мцу – в рассмотренном выше случае), видится вытеснение, победив его, пациент совместно с психоаналитиком (так же, как роженица совместно с шаманом) победит и недуг. Но победить вытеснение не просто, оно оказывает сопротивление (так же, как и Мцу), и психоаналитик, подобно шаману, вступает в битву со «злыми духами» сопротивления. Помощниками в этой битве выступают «свободные ассоциации» пациента, он таким образом оказывается, в отличие от роженицы, активным участником борьбы. Психоаналитик, используя своих помощников – свободные ассоциации, – предлагает различные мифы – толкования, представляющие собой своего рода язык, необходимый для осознания пациентом вытесненного и невыразимого бессознательного. Это не просто интеллектуальное осознание, но и переживание, которое ведет к победе над вытеснением, т. е. к излечению.

Итак, в том и в другом случаях эффект достигается за счет особого психологического переживания некоего мифа²⁹. Вспомним, что выдумки, фантазии пациента, – иными словами, миф, – рассматривались Фрейдом в качестве психологической действительности, т.е. приравнивались им к реальным фактам биографии. Шаман тоже заставляет поверить больную в то, что миф – это есть реальные события жизни. Шаман дает уже готовый миф, психоаналитик строит конкретное толкование на основе материала, доставляемого ему пациентом, но темы мифов он имеет уже заранее, и набор их весьма ограничен.

²⁸ Леви-Стросс. Эффективность символов... С. 175.

²⁹ Мне не хотелось бы, вслед за Леви-Строссом, сводить это переживание к «отреагированию», использование которого не является психоаналитической техникой. Факт переживания имеет место и в классическом психоанализе, работающем с феноменом переноса.

Особо хочется подчеркнуть одно обстоятельство: стремясь построить свою систему по научному образцу, т.е. максимально ее рационализировать, Фрейд все время боролся с межличностной зависимостью эмоционального свойства между врачом и пациентом. В частности, в силу этого обстоятельства он отказался от применения гипнотического метода, заменив его на психоаналитический метод работы с *переносом*. Анализ переноса – центральный момент классического психоанализа. Феномен переноса состоит в том, что пациент «переносит» на терапевта неосознаваемые им чувства и эмоции по отношению к какому-то значимому лицу. Открытие Фрейдом переноса сразу же «развязало руки» психоаналитикам – теперь они могли рассматривать проявление привязанности (в частности, и сексуальных чувств) со стороны своих пациентов не применительно к себе лично, а как отражение этих чувств к близким лицам из своего окружения. Анализ переноса таким образом вскрывал то вытесненное бессознательное, что беспокоило пациента и что необходимо было осознать. Казалось бы, как настаивал Фрейд, анализ переноса с последующим его осознанием и преодолением – это чисто рациональный метод. И хотя анализ – это действительно рациональная процедура, сам феномен переноса имеет аффективную природу, базирующуюся на взаимоотношениях пациента и врача ³⁰, и следовательно, сохраняется зависимость пациента от своего терапевта. «Дома пациент без усталости расхваливает врача, превознося в нем все новые положительные качества [...] При таких условиях психоанализ характеризуется замечательными успехами», – отмечал Фрейд ³¹. Итак, несмотря на все попытки рационализации, иррациональные факторы (как привязанность пациента к своему аналитику, вера в него и его принципы и т. п.) играют существенную роль в психоаналитической практике.

* * *

Итак, установка Фрейда при создании теории и метода исследования бессознательных процессов человека была на модель научного, рационального знания. «...Фрейд последний великий представитель рационализма Просвещения и первый, кто показал его ограниченность», – сказал о нем Э. Фромм ³². Фрейд пытался подойти рационально к феномену, лежащему за пределами сознания. Естественно поэтому, что принципы, работающие при анализе дискретных составляющих сознания, оказались недейственными при постижении континуума бессознательного. Здесь требовались такие формы познания, которые оказались ближе традиционному, нежели научному, типу знания. Успех метода во многом определялся созданием (путем своего рода мифотворчества) особого переживания, предполагающего не только интеллектуальную, но и эмоциональную включенность личности пациента, и такое же целостное воздействие на нее со стороны психотерапевта... Техника психотерапии, и психоанализа в том числе, не сводится к набору готовых приемов и методов, но является своего рода искусством, где личность психотерапевта, его субъективные качества играют огромную роль. Велика роль интуиции психотера-

³⁰ Помимо переноса существует и контрперенос со стороны врача по отношению к пациенту.

³¹ Фрейд. Введение в психоанализ... С. 281.

³² Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. С. 147.

певта, значение которой отмечается даже представителями наиболее рационалистического крыла психоанализа: «Единственный и наиболее важный инструмент работы аналитика – работа его предсознательного и бессознательного», – считает один из наиболее известных современных последователей Фрейда, Р. Гринсон ³³.

Можно сказать, что своеобразие психоанализа как явления культуры XX века определяется его двойственностью: с одной стороны, стремление к обнаружению универсальных законов психической жизни, с другой – не беспристрастно отстраненный подход к человеку как объекту познания, но лично заинтересованный, осуществляющий по отношению к нему интуитивно-эмоциональный прорыв понимания.

³³ *Greenson, R. R. The technique and practice of psychoanalysis. N.Y., 1986. P. 5.*

Ю. Р. НОСОВ

СОЗДАНИЕ СВЕТОДИОДОВ И ЛАЗЕРОВ: ВКЛАД РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Фантастический физико-технологический прорыв конца ушедшего века вызвал к жизни новую светодиодно-лазерную революцию, она ведет не просто к «дальнейшему техническому прогрессу», но кардинально преобразует саму среду обитания человека, ее световую, информационную, культурологическую составляющие. «Полупроводниковый свет» – это десятки ежегодных конференций, множество открытий, за которыми не успевают даже специалисты, все новые сферы применения. Это также огромные транснациональные корпорации почти с двукратным ежегодным ростом объемов производства, т.е. с 1000-кратным за 10 лет! А начиналось все лишь восемь десятилетий тому назад, первые страницы этой истории читаются сегодня как увлекательнейший триллер, активными действующими лицами были и многие наши соотечественники. Кто-то оказался на вершине признания, другим повезло меньше – история не всегда справедлива даже по отношению к достойнейшим.

I

Началось с обнаружения свечения *полупроводников*, которое порой было столь слабым, что его приходилось рассматривать в микроскоп. В 1922 г. в Нижегородской радиолaborатории (НРЛ), тогдашнем единственном радиотехническом институте страны, О. В. Лосев¹ занялся исследованием кристаллических детекторов². Восемнадцатилетний радиолюбитель, только что окончивший школу, попытался обнаружить у этих приборов способность усиливать и генерировать радиоволны, полагая, что такими свойствами должны обладать все элементы с нелинейным сопротивлением, хотя любому специалисту известно, что для этого элемент должен иметь отрицательное сопротивление. Лосев об этом не знал, начал экспериментировать и... обнаружил

¹ О жизни и деятельности Лосева см.: Лосев О. В. У истоков полупроводниковой техники. Л.: Наука, 1972; Нижегородские пионеры советской радиотехники / Сост. Б. А. Остроумов. М.; Л.: Наука, 1966; Центральная радиолaborатория в Ленинграде / Под ред. И. В. Бренева. М.: Сов. Радио, 1973; Остроумов Б., Шляхтер И. Изобретатель кристалла О. В. Лосев // Радио. 1952. № 5; Новиков М. А. Олег Владимирович Лосев: пионер полупроводниковой электроники // ФТТ. 2004. Т. 46. № 1.

² Детектор – это полупроводниковый кристаллик с прижатой к нему металлической иглой. Выпрямляющее действие такого точечного контакта открыл Ф. Браун (1874), будущий Нобелевский лауреат за радиосвязь (совместно с Г. Маркони); он же впервые использовал детектор для радиоприема.